

Утро не принесло ни мудрости, ни облегчения. Напротив, началось с крика, что возвестило как минимум об убийстве или намерении одного.

Хозяйка, за семь часов вовсе не сомкнувшая глаз, затаилась в парадной у затворенной двери с разбитым замком. Она несколько раз посылала ночью за околоточным, но вскоре явился Тишка-городовой, которого она с детства знала, и сказал, дескать, «если она, ведьма старая, не отстанет от Его благородия, то он ее за седые волосы оттаскает да в околоток заберет».

А ей, бедной душе, все казалось, что ходит вокруг кто-то. В окна заглядывают, будто даже внутрь сунулись, но она себя обозначила. Выругалась со страху, как обычно только чертей бранным словом поминают, да лопату, Бог весть каким образом у нее подле двери оказавшуюся, поближе прижала.

Так и вздрагивала от каждого шороха несчастная. А утром, как только половицы заскрипели да рожа зеленая вышла прочь, взметнулась вверх, позабыв про преклонные года. Думала, загубил проклятуший Витольда Львовича. По правде сказать, даже немного надеялась, чтобы потом околоточному вместе с Тишкой под нос пальцем ткнуть да изречь: «Я же говорила». Но разочаровалась, а одновременно с тем успокоилась – хоть и бледный, обессиленный, но Меркулов все же еле слышно дышал. Хорошо к себе успела вернуться, как крокодил обратно воротился. Нос хозяйки уловил приятный дух каши, и она справедливо решила, что образина намерился отравить ее постояльца. Прокралась к самой двери, заглянула в щелку, что после поломки замка образовалась. Только стала наблюдать, как раздался крик.

Меркулов, пошатываясь, стоял в ближней к выходу комнате, опираясь плечом о стену и прикрыв рукой рот. Его лицо выражало крайнюю степень смущения от своего испуга, вырвавшегося наружу. Зеленокожий возвышался перед ним, покорнейше опустив голову.

– Кто вы? – Спросил Меркулов. Его голос, удивительно звонкий, как у мальчишки, разорвал тишину, окутавшую комнату после вскрика.

– Михайло Бурдюков, Ваше Благородие. Но все кличут Михом.

– Орчук? – Заинтересованно то ли спросил, то ли вслух подумал Витольд Львович.

– Истинно так, Ваше благородие, – обрадовался зеленокожий. – Обыкновенно не все разницу видят. Говорят, зеленый, значитца, орк и есть.

– Ну какой же орк. Клыков у тебя выступающих в нижней челюсти нет, комплекция, опять же... Михайло, простите великодушно, но как вы здесь оказались?

– Так Его высокоблагородие наказал вас до дому снести. А потом вы так забылись тревожно, я и остался. Думаю, не приведи Господь, что произойдет.

– Его высокоблагородие?

– Секундант, – удовлетворенно кивнул Мих.

Лицо собеседника преобразилось. Казалось, за одно мгновение, пролетевшее со стремительной скоростью пьяного извозчика, он все осознал и вспомнил.

– А что с господином Дашковым?

– Энто которого вы шпагой насквозь проткнули?

От этих слов Витольд Львович побледнел еще больше, потому орчук поспешил его обнадежить.

– Так может и жив. Кто ж его знает. Когда уходили, дышал еще.

Господин кивнул, то ли Миху, то ли сам себе. Настороженно поднес руку к окну, нервно сглотнул и стал смотреть на нее. Диковинка заключалась в том, что чем больше Меркулов глядел на конечность, тем прозрачнее она становилась. А когда вовсе исчезла, орчук перекрестился и стал что-то невнятно бурчать себе под нос. Видимо, молитвы помогли, ибо рука вернулась на место.

– А что это за запах? – Вдруг повел носом Его благородие.

– Каша из полбы, – радостно отвечал орчук, пододвигая ладонью, размером с большой кузнечный молот, котелок вперед. – Да попробуйте, Ваше благородие, не сомневайтесь. Очень вкусно.

Хозяйка хотела было в этот момент вскрикнуть, кинуться внутрь да сбросить окаянный котелок на пол, однако ж внизу слышались шаги. Тяжелые, грузные, добра не предвещавшие. Насилу успела бедная женщина поддеть ключом замок ближней к лестнице двери да вжаться внутрь. Благо, тут до недавнего времени студент повесился и ныне никто не жил. Нет, конечно, что бедняга руки на себя наложил – это плохо, но что более важно – самым скорбным образом сказалось на благосостоянии несчастной женщины. Мерзавец задолжал оплату за полтора месяца. Хотя о мертвых либо хорошо, либо ничего...

Однако именно в этот самый момент, хозяйка поблагодарила Господа и Матерь-Заступницу, что апартаменты (говоря про свои комнаты, она предпочитала обозначать их именно так, а не иначе) пустовали. Ибо в другом случае почтеннейшая владелица меблированных комнат рисковала столкнуться нос к носу с не менее уважаемым околоточным Артемием Кузьмичом, за которым шествовал треклятый Тишка. И двинулась они ни много ни мало в направлении обиталища Витольда Львовича.

Не сказать чтобы хозяйка боялась полицейских чинов, особенно Артемия Кузьмича. Напротив, последний третьего дня кушал у нее сладкую настойку на бруснике, обещая «всенепременнейше» и «решительным образом». Однако ж, когда появилась нужда – нате-ка. Тишку с цепи спустил да еще в околоток пригрозил доставить. Нет уж, извольте, подобной милости и дружбы более не требуется.

Старушка ожидала криков, даже стрельбы (Матерь-заступница, всю побелку ведь собьют, аспиды), однако вопреки всему со стороны соседних «апартаментов» донесся еле различимый бубнеж. Удивительное дело – разговаривают. Сейчас бы брать под руки орка, пистолетом мерзавца подгоняя, да в околоток. А еще лучше в острог, чтобы неповадно было женщин пугать до смерти.

Додумать не успела – снова шаги. Только теперь торопливые. На бегу незнакомец через несколько ступенек перепрыгивал. Поднялся – и юрк в знакомую комнату. Хозяйка даже возмутилась. У нее тут не проходной двор, а сурьезное заведение, и бегать подобно козлам на майском солнышке, она не позволит. Так она все подумала. Вслух ничего не сказала, лишь к стенке плотнее ухом прижалась.

Перегородки тут совсем дрянь были. Порой внизу у выхода слышно, что в дальней комнате под чердаком происходит. Но пришедший говорил тихо-тихо. Насилу смогла разобрать лишь пару слов: «ожидают-с» и «обер-полицмейстер».

Схватила старушка за голову. Все, пропал Витольд Львович. Через орку эту проклятую пропал. Что же теперь будет? Опять постояльца надо искать. Да что же такое происходит?

Пока сокрушалась почтеннейшая, вся процессия вышла из комнаты, спустилась по лестнице и выбралась наружу. Хозяйка опомнилась, выскочила следом, да поздно. Лишь спины увидела удаляющиеся.

Солнце набрало уже полную силу и теперь со всей яростью сошедшего с ума светила пекло двух нечаянных, но одновременно с этим прелюбопытнейших спутников, шествовавших подле друг друга. Впереди них на значительном расстоянии, будто не желая быть причастным к этой паре, торопился мелкий полицейский чин.

Один из попутчиков был весьма раздосадован, что, впрочем, на его широком, мясистом и зеленом лице слабо выражалось. Сокрушался Мих о каше, которую Его благородие лишь едва успел попробовать, прежде чем к ним ввалился околоточный.

Лицо второго спутника было серо, губы плотно сжаты, а глаза выражали ту степень отчаяния, которая бывает у проигравшихся в пух и прах подпоручиков, ранее взявших в долг более ста рублей. Видел свое будущее Витольд Львович вовсе не в радужном свете. Суток не прошло со времени дуэли, а про нее уже прознал обер-полицмейстер, вследствие чего вызвал к себе.

О том, что его не арестовали, а следовательно, все могло обойтись, Витольд Львович особых надежд не питал. Меркулов был хоть и захудалой ветви, почти оборванной, но все же дворянской. Поэтому и «попросили» его должным образом. Попробуй он рвануть к вокзалу, тут к нему сразу отношение бы и поменялось. Убежать Витольд Львович не намеревался, да и пустое это все – за ними в любом случае филер какой (пусть и самый плохенький) приставлен. Дело и вправду выходило громкое.

Случилось все, как обычно это бывает, из-за глупости. По бедности своей Меркулов путешествовал с работы домой исключительно пешим ходом, оправдывая этот факт дополнительной физической подвижностью, так необходимой для организма. И на углу у Поварской улицы Витольд Львович чуть не был сбит пролетающим мимо фаэтоном. Страшно подумать, что бы случилось, если бы не его определенные особенности...

Следом из фаэтона высыпали нетрезвые господа, во главе которых и выделился усатый молодчик. Он накинулся на Меркулова чуть ли не с кулаками, грозно рявкнув, дескать, «всякая шваль вовсе не смотрит, куда идет, и так и норовит под копытами оказаться». На это Витольд Львович, несколько смутившийся, все же ответил, что он лично хоть и лишен дворянского звания, но его род довольно древний и уходит корнями к самому Ковчегу, поэтому не позволит разговаривать с собой в подобной манере. Самое интересное, что эти слова сначала развеселили усатого, а потом, напротив, разозлили. Слово за слово, и кончилось тем, что кто-то крикнул о дуэли: «раз два высокородных не могут решить дело миром», другой подхватил. В хмельном угаре компания веселилась и насмехалась над Меркуловым, но не таков человек был Витольд Львович, чтобы пойти на попятную. Вызов он принял, а что стало потом уже общеизвестно.

Но за каждый выбор рано или поздно приходится платить. Господину Меркулову, всю свою жизнь рассчитывавшемуся за дела отца, было не привыкать. Однако на душе скребли кошки. Только ему казалось, что можно начать все с чистого листа, так попал он как кур в опил.

Околоточный, только услышавший имя глубокоуважаемого обер-полицмейстера, ретировался со скоростью, коей позавидовали бы многие жеребцы главного Моршанского ипподрома. Оно и

понятно: тут дело такой важности, что при рубке полетят не только щепки, а, возможно, и чины.

Единственно жалко было Меркулову за Миха, оказавшемуся в лишнем месте в плевельное время. И отвертеться теперь не получится, ибо посыльный так и сказал: «явиться вместе с орчуком».

- Ваше благородие, вы не будоражьтесь, авось и обойдется, - заметил Мих волнения собеседника, написанные на лице.

- Не обойдется, Михайло. Такое зря не проходит.

- Вы не стесняйтесь, меня полным именем давно не кличут. Мих и есть Мих. А по поводу расстроенности, я вам так скажу: у Бога на каждого свой план есть.

- И на тебя тоже?

- Конечно, Ваше благородие.

- И какой?

- А вот про то я пока не знаю. Я ж человек, то есть орчук, темный. Бог даст, пойму со временем.

Витольд Львович, человек хоть и крещеный, общих славийских взглядов на православие, как и прочую религию не разделял. Он не был из тех самых воинствующих атеистов, большей частью людей решительных, революционного толка. Меркулов скорее задержался где-то посередине, всячески отвергая всякое существование Господа, но и не имея желания людей и прочих в этом убеждать. Потому на замечание Миха «о планах Бога на каждого», аристократ деликатно промолчал. Так и продолжали они шествовать, меряя шагами мостовую: орчук неторопливо и размашисто, точно шел по удобному и веселому для себя делу, а Меркулов собранно и пружинисто, как заводная гоблинарская кукла.

- Так ты, Мих, значит, православный? - Спросил в скорости Витольд Львович.

- Знамо дело, Ваше благородие. Как и папенька был.

- Так у тебя отец... - Меркулов слегка поколебался, но все же закончил, - человек?

- Истинно так, - кивнул орчук, ничуть на вопрос и паузу не обиженный. - Папенька мать очень любил, первые года, когда я махонький был, даже по Орколии вместе с кочевниками скитались.

- А что потом?

- Расстались они. Я с папенькой уехал, ведь не чистокровный орк. А у их женщин главное что - чтобы сын сильным воином был, а я эвона какой хлюпик. Мать замуж второй раз вышла, за орка, знамо дело...

Меркулов с сомнением оглядел мускулистые руки, которые под свободной рубахой ходили буграми. Таких даже у цирковых борцов не встретишь, орчья кровь и есть орчья кровь. Однако заинтересовало его одно обстоятельство - про зеленокожих кочевников Мих говорил «они», соответственно, «мы» для него были люди. Прелюбопытный факт, весьма прелюбопытный.

- А занимаешься ты чем?

- Разным, Ваше благородие. Иной раз перенести что попросят, другой - в конюшне убратся, в каретнике порой надо пролетку подержать, пока чинят. Я никакой работы не чурюсь... - Мих замолчал, но все же посчитал нужным добавить. - Вы не подумайте, я и грамоте обучен. Писать, читать, считать. Все папенька втолковал.

Меркулов не без удивления посмотрел на орчука, но ничего не ответил. Время разговоров прошло, ибо они достигли конечной цели путешествия, оказавшись в середине Столешникова переулка. Казенный четырехэтажный дом, покрашенный в самый паршивый серый цвет, какой только можно было придумать, смотрел на них своими маленькими подслеповатыми окнами. Случайные прохожие не обращали на здание ровно никакого внимания, не подозревая, какая прямо перед ним драма разыгрывается в душе молодого человека.

- Прошу-с за мной, - сказал сопровождающий.

Коридоры, сменяющие друг друга, стали мелькать в глазах с такой скоростью, с какой бегают спицы в колесе при движении коляски. Встретилось Меркулову несколько пожарных, во главе с брандмейстером, несколько самых обычных арестантов - угрюмых злых мужиков - и полицейских без числа. Они поднялись на второй этаж, где Витольд Львович лишь краем глаза заметил общую канцелярию, и взобрались еще дальше - на третий.

Путники вновь пересекли коридор, прошествовали через помещение для просителей, где сидело семь человек самой разной наружности, и оказались в приемной. Сопровождающий доложил и поспешил удалиться с такой скоростью, будто здесь болели чумой, а тем временем о пришедших уже докладывали «самому».

- Пусть заходит! - услышал Меркулов зычный голос, от которого кровь в жилах заледенела и отказалась течь дальше.

- Ваше превосходительство, а орчук?

- В приемной обождет.

Витольд Львович выдохнул и вошел.

Обер-полицмейстер Александр Александрович Муханов был тучен ровно настолько, насколько должен быть грузен и корпулентен чиновник его чина. Давно известно, что худой человек, да еще, скажем, четвертого класса, вызывает искреннее недоумение. Доверия к таким, отказывающимся от прелестей и удовольствий жизни, нет никакого. Поэтому все чиновники от статских и выше да военные, с бригадира начиная, всегда отличаются сочностью и плодородием.

Лицом Александр Александрович оказался самой приятной наружности: простая сундырская, как бы сказали в народе, физиономия, пышные баки, которые он носил по старой моде, пышные усы и гладко, до синевы выбритый подбородок. Только взгляд очень уж грозный, заранее карающий и никаких оправданий слышать не желающий.

Меркулов с замиранием сердца обратил внимание на «Моршанские ведомости», раскрытые на четвертой странице. Хоть заголовок и был перевернут, но он смог разобрать выделенное жирным слово «Дуэль». Это что же такого важного должно было произойти, чтобы поединок до Поглощения отодвинули так далеко?

- Явился, голубчик, - вместо приветствия бросил Муханов, облокотившись кулаками о стол.

Его черный мундир при этом незамысловатом движении напрягся и даже попытался затрещать, но все же ему удалось удержать внушительное тело внутри себя. Меркулов заворочено поглядел на погоны из серебряного галуна с оранжевым просмотром и кивнул.

- Говорили мне, говорили, что от Меркуловых добра не жди. Ко мне же перед приездом вашим из шестого отделения приходили. Предупреждали. А я, доверчивая душа... - Муханов махнул рукой, словно они договорились о чем-то прежде с Витольдом Львовичем, и тот его значительно подвел. Обер-полицмейстер достал папку из стола, развязал тесемки, раскрыл ее и сел. - Меркулов Витольд Львович, двадцати шести лет от роду. В возрасте восьми лет выслан вместе с отцом из столицы за измену последнего. Год назад волею Его Императорского Величества помилован. Три месяца назад вернулся в Моршан.

Муханов листал мелко и убористо исписанные страницы, не читая, а пересказывая содержимое Меркулову. Обер-полицмейстер не сводил внимательного взгляда с молодого человека, явно ожидая увидеть его реакцию на произносимое, но Витольд Львович еще минуту назад посерел и более в лице не менялся.

- Плохо начинаете. Очень плохо. Государь Император вас простил за грехи батюшки, в Моршан позволил вернуться, статский чин вам дарствовал, причем не последний. А вы, господин коллежский секретарь, эдакую свинью подложили. Вы хоть знаете, кого вы в Острожевском тупике проткнули?

- Дашкова Михаила Николаевича, Ваше превосходительство, - дрожащим голосом отвечивал Меркулов.

- А кто был Дашков Михаил Николаевич? Ну полно, полно, не был, а есть. Жив он, утром справлялся. Укол серьезный, но выкарабкается. Вот только тут главная незадача... Михаил Николаевич был у меня приставом следственных дел по особым поручениям. Его, может, Бог в темечко не поцеловал, но человеком он являлся исполнительным. Опять же, дворянского рода, который к Ковчегу восходит. Соответственно, с особенностями. А вы, голубчик, раз - и дуэль на Поглощение.

Обер-полицмейстер пожевал свои толстые губы и изучающе смотрел на собеседника. Но Меркулов молчал, а лицо его выражало самый виноватый вид, на какой только могло быть способно.

- И что, молодой человек, сработало?

- Что сработало, Ваше превосходительство?

- Ну... Поглощение.

Вместо ответа Витольд Львович выставил руку перед собой, нервно сглотнул подкативший к горлу ком и внимательно посмотрел на конечность. Вена на его виске вспухла, а по носу потекла капля пота. Но влияние свое действие возымело. Сначала пальцы, потом уже и сама рука вместе с мундиром растаяли в воздухе.

- Ох, святые угодники, - заключил Муханов.

Подождал, пока рука появится снова, достал платок с вензелями и оттер шею.

- Я сам из простой дворянской семьи. Из молодой совсем. Дослужился вон оно, до генерал-майора, но к магии до сих пор настороженно отношусь. У меня под началом из истинных семей-то и людей немного, которые ну это... - он сделал несколько пассов в воздухе. - Гоблинарцы вон, вовсе без магии обходятся, и ничего: паровозы строят, каких в Славии и не видали, пароходы, самоходные машины. Ну да ладно...

Лирическое настроение Муханова прошло так же быстро, как исчезла и появилась рука молодого человека. Он прочистил горло, побарабанил пальцами по газете и посмотрел в окно.

- Мне нужен такой человек... По особым поручениям, каков был Дашков. С определенными способностями, - сказал он будто бы сам себе. - Правда, он по чину выше был, но это ничего, до титулярного советника вытяну... Отчитываться ни перед кем не будете, только передо мной. С жалованием не обижу.

Он резко повернул голову и посмотрел на Меркулова.

- Ну что скажете, Витольд Львович?

- Простите, я, право, не понимаю...

- Мне нужен пристав следственных дел по особым поручениям... Для особо щекотливых ситуаций. Судя по всему, - он хлопнул ладонью по раскрытой папке, - человек вы неглупый, сметливый. С вашей биографией выше титулярного на обычной службе подняться будет трудно. У меня можно и до надворного советника вырасти, дворянство вернуть.

- Я не к этому... Я просто слегка растерян.

- Ну так это пустое. Не время уши развешивать, когда беспокойно вокруг. Так это «да»?

- Да, Ваше превосходительство.

- Ну и славно. Кабинет тебе подготовят, хотя, между нами, работа не сидячая, свою хм... новую магию частенько придется применять. Смекаешь, о чем я, Витольд Львович? Я, с твоего позволения, на ты, коли уж ты теперь у меня в подчинении.

Меркулов кивнул, отвечая на вопрос и одновременно соглашаясь с новыми правилами игры. Ему хотелось сорваться с места и бегом пуститься на улицу, радостно крича и обнимая прохожих. Наказание, которого он так боялся, обернулось карьерным взлетом. И пусть прочие дворяне гнушались работы в полицмейстерстве (оставалось загадкой, по какой причине сюда прибился Михаил Николаевич, поверженный на дуэли), Витольд Львович подобному обстоятельству исключительно обрадовался. Служить Государю Императору, развеять дурную славу о фамилии, делать Моршан и всю Славию чище, расправляясь с преступниками. Что может быть лучше?

- Ваше превосходительство, а что с Михом?

- С кем? - Искренно удивился Муханов.

- Михайло Бурдюков, орчук.

- А... - брови обер-полицмейстера сдвинулись. - По-хорошему, его в острог надо, чтобы не болтал чего лишнего, так не за что. Вышлю, думаю, из Моршана. Да, вышлю, - кивнул он сам себе.

- Ваше превосходительство, столько хлопот будет. И ему, и вам.
- Не понимаю, куда клонишь, Витольд Львович, но ты ежели чего предложить хочешь, то предлагай. Я к инициативам всяким отношусь с интересом. Порой бывает, действительно что дельное скажут.
- Ваше превосходительство, вы поправьте меня, если ошибаюсь. Но титулярному советнику по должности требуется подчиненный. Для разных нужд.
- Ну за этим не беспокойтесь, письмоводителя я тебе выделю.
- Так и не нужно. Мих грамоте обучен, писать умеет. Опять же, силен, надежен, веры православной – с детства в Славии среди людей живет. Слишком много беспокойства будет, если его отсылать. А так и при деле, и под присмотром.
- Орчук в полицмейстерстве? – Изумился Муханов. Поднял голову на портрет Государя Императора, а потом громко расхохотался. – А ведь это будет презабавно. Орчук и сын ссыльного. Уж прости, Витольд Львович, но весьма презабавно. Будь по-твоему. Станет Мих ярыжкой при тебе, точнее уж коллежским регистратором, – новая идея поистине веселила обер-полицмейстера. – Как его там?
- Михайло Бурдюков.
- Решено.

Муханов заскрипел пером, что-то себе записывая.

- Ну а теперь надобно о делах поговорить. Есть одно щекотливое поручение. Не сказать чтобы государственной важности, но и так его оставлять нельзя. Слушай, Витольд Львович. Ты, верно, знаешь, что аховмедцы с дрежинцами, а через них и с нами, объявили перемерие. Делегации прибыли с первыми лицами... Ну и такой карамболь произошел. По пьяной лавочке одного из аховмедцев зарезали. Хорошо хоть прислужника какого-то, а не принца, но и то легче не становится. Надобно разобраться со всем, очень как бы это...

- Тактично, – подсказал Меркулов.

- Вот именно, Витольд Львович, тактично. Я уж сомневаюсь, что там что-то серьезное. Поди, мужик какой дворовой увидел козлоногого и прирезал. Но ты разберись. И магии не гнушайся, пользуйся. Твоего предшественника она часто выручала. Самому этим заниматься несподручно, да и некогда, тут вишь что.

Он сложил газету и хлопнул ладонью по главной странице.

- А где расположилась аховмедская делегация? – Тщетно пытался разглядеть первую полосу вверх ногами Меркулов.

- Так где же им быть. В Захожей слободе. Адрес Константин Никифорович выдаст. Это мой первый полицмейстер.

- Тогда разрешите откланяться, Ваше превосходительство?

- Экая вы, молодежь, быстрая пошла. Это что ж, Витольд Львович, вы изволите к первым лицам аховмедского королевства в таком виде явиться?

Обер-полицмейстер придирчиво оглядел потертости на мундире своего подчиненного и покачал головой, явно неодобряя общую заскорузлость одежды. Меркулов в этот самый момент было готов провалиться сквозь землю, напрямик до первого этажа, где аккурат в этом самом месте находилась арестанская.

– Ты, Витольд Львович, давай горячку не пори. Съезди к нашему портному. Обшлагов из золотой нити и узорные воротники не гарантирую, но на человека станешь похож. И это... Константин Никифорович!

Дверь открылась, будто покорнейший помощник только и ждал окрика своего начальника, и на пороге появилась высоченная фигура первого полицмейстера города. Еще недавно Константин Никифорович был рядовым исправником в обычном захолустье, но лично Александр Александрович, будучи проездом, его заметил да и перевел в столицу. Положительных качеств у полицмейстера была масса. Самое главное, помимо исполнительности и почти собачьей преданности, Константин Никифорович не пил.

– Голубчик, приказ надобно составить на титулярного советника Меркулова Витольда Львовича. Назначением в приставы следственных дел по особым поручениям... как там дальше?

– Сысского управления при Моршанском обер-полицмейстерстве, – подсказал полицмейстер.

– Именно. Хотя не приставом, а исполняющим обязанности пристава. Все-таки, надобен хоть какой-то испытательный срок, – постучал Муханов по газете пальцем. – И орчука его...

– Михайло Бурдюкова, – настала пора подсказывать и Меркулову.

– Именно, – вновь согласился обер-полицмейстер, – его личным помощником по четырнадцатому чину. И проследи, чтобы и на Витольда Львовича и на Михайла этого одежду хорошую справили. Чтобы понятно было к какому они ведомству приставлены.

– Будет исполнено, Ваше превосходительство.

– Вот и ладно. А ты, Витольд Львович, что узнаешь, сразу ко мне. И привыкай, у тебя должность особенная, могу и средь ночи с мягких перин выдернуть.

– Не приучен к мягким перинам, Ваше превосходительство, – повеселел к концу разговора Меркулов. Он тут же спохватился, взял себя в руки и закончил, – чуть что, прибуду в самый краткий срок.

– Ну вот, вроде, и договорились. Еще одно, Витольд Львович, ты хоть и у меня в подчинении, однако ж полную защиту я тебе дать не могу. А у тебя теперь недоброхотов вдоволь будет. Семья Дашковых достаточно влиятельна, любому кровь попортить смогут. Поэтому старайся лишний раз особо не выпячиваться. Понимаешь, о чем я?

Меркулов торопливо кивнул.

– Ну вот и ладно. Константин Никифорович, проводи молодого человека, а потом возвращайся. Еще об ограблении потолковать надо.

Полицмейстер кивнул и отошел от двери, приглашая Меркулова пройти вперед. Витольд Львович, довольный как дворник, получивший на чай полугривенник, вместо вполне справедливого наказания обретший неожиданный презент, шагнул вперед, в новую жизнь.

<http://tl.rulate.ru/book/9351/176359>